

Пьер Паскаль

Протопоп

АВВАКУМ

и начало раскола

Пьер Паскаль

ПРОТОПОП
АВВАКУМ
И НАЧАЛО
РАСКОЛА

Перевод с французского
С. С. Толстого

Научный редактор перевода
Е. М. Юхименко

2-е издание, исправленное

Языки славянской культуры
Рукописные памятники Древней Руси
Москва 2016

УДК 94(47)
ББК 63.3(4Фра)5
П 19

*Издание осуществлено при поддержке Московской Митрополии
Русской Православной Старообрядческой Церкви*

Паскаль Пьер

П 19 Протопоп Аввакум и начало Раскола / Пер. с фр. С. С. Толстого; науч. ред. перевода Е. М. Юхименко. 2-е изд., испр. — М.: Языки славянской культуры: Рукописные памятники Древней Руси, 2016. — 680 с.

ISBN 978-5-94457-256-1

Классический труд выдающегося французского слависта Пьера Паскаля (1890—1983), принесший ему заслуженную мировую славу, впервые переведен на русский язык. За него будущий профессор кафедры русского языка и литературы в Сорбонне был удостоен ученой степени доктора славяноведения «с наивысшим отличием». Сразу после своего первого издания в 1938 г. монография на многие десятилетия сделалась настольной книгой по истории русского религиозного катаклизма второй половины XVII века и не утратила своей научной ценности до наших дней. Книга, написанная на основании сравнительного исследования многочисленных первоисточников, с которыми французскому ученому довелось в 1920—1930-е годы работать в московских архивах, является наиболее полной в мире биографией протопопа Аввакума, своеобразной энциклопедией раннего старообрядчества. Написанная прекрасным литературным языком, с привлечением огромного пласта документов той эпохи, работа, которую можно назвать образцом научной прозы, детально и объективно прослеживает глубинные причины Раскола Русской Церкви, трагические последствия которого сказываются до сих пор.

ББК 63.3

*В оформлении переплета использована икона
«Священномученик и исповедник Аввакум» работы Г. В. Маркелова (1994 г.)*

Пьер Паскаль

ПРОТОПОП АВВАКУМ И НАЧАЛО РАСКОЛА

Корректор Е. Сметанникова. Оригинал-макет подготовлен Б. Абакумовым

Художественное оформление переплета А. Григорьева

Подписано в печать 22.04.2016. Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 55,0. Тираж 1300. Заказ №

Языки славянской культуры. № госрег. 1037739118449.

Phone: +7 (495) 624-35-92 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ISBN 978-5-94457-256-1

9 785944 572561 >

© С. С. Толстой (наследники), 2016
© Е. М. Юхименко, вступит. ст., 2016
© Языки славянской культуры, 2016

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

<i>Е. М. Юхименко. «Прекрасная книга французского ученого»</i>	5
Предисловие ко второму изданию	31
Предисловие	33
Предуведомление	50
Глава I. Русская церковь после Смутного времени. Стремление к реформе	51
Глава II. Аввакум. Как создавался человек (1620—1640)	125
Глава III. Аввакум-священник. Как создавался пастырь (1640—1647).	149
Глава IV. Реформатор (1647—1651)	168
Глава V. Протопоп (1652)	197
Глава VI. Остановка в Москве и разрыв (июнь 1652 — сентябрь 1653)	241
Глава VII. В Тобольске (конец 1652 — 29 июня 1655)	279
Глава VIII. С Пашковым в Даурии (29 июня 1655 — конец июня 1662)	304
Глава IX. Возвращение (июнь 1662 — февраль 1664)	325
Глава X. Между возвращением и ссылкой (начало февраля — 29 августа 1664)	372
Глава XI. Нравственные терзания и окончательный разрыв (29 августа 1664 — 29 августа 1667)	411
Глава XII. Первые годы ссылки (30 августа 1667 — 14 апреля 1670)	453
Глава XIII. В земляной тюрьме: перед лицом великого гонения (14 апреля 1670 — 1672)	488
Глава XIV. В земляной тюрьме. Споры и труды (1670—1674)	517
Глава XV. В земляной тюрьме. Последние годы (1675—1682)	542
Заключение	595
Список литературы и сокращений	623
Указатель имен	641

Глава I

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ ПОСЛЕ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ. СТРЕМЛЕНИЕ К РЕФОРМЕ

I. Материальные и моральные последствия Смутного времени. — II. Религиозное пробуждение: необходимость моральной реформы. Ненависть к латинству, недоверие по отношению к другим православным (русским, проживающим на Западе и Юге, к грекам). Возвышение Московского Православия.

Первый период (1616—1633): Филарет и Дионисий. I. Дионисий из Троицкого монастыря и исправление церковных книг. — II. Филарет отвергает латинство, подавляет свободомыслие, опровергает протестантское учение, критикует «литовские» книги, но терпит влияние протестантов. — III. Филарет — правитель Руси; аппарат управления и финансовая служба патриархии. — IV. Религиозное движение в скитах и монастырях: «семинария» Троицкого монастыря.

Второй период (1633—1645): Иван Неронов, Капитон и справщики. I. Годы учения Неронова; в Троице — у Дионисия; в Лыскове — у Аналии. — II. Нижний Новгород. — III. Неронов, священник церкви Воскресения в Нижнем. — IV. Челобитная 1636 г. — V. Два направления: реформаторство в Церкви и индивидуальный мистицизм, Капитон. — VI. Печатный двор и новые книги. — VII. Последние годы жизни Неронова в Нижнем.

I

Со времени татарского нашествия Россия не переживала потрясений, подобных эпохе Смутного времени. Вслед за борьбой боярских партий за трон вскоре пошли народные восстания против бояр, усугубившиеся внутренними мятежами и вторжениями чужеземцев. Вся страна от южных границ до крупных городов на Севере, от Пскова и Новгорода до Урала, попала в этот водоворот. Оказались затронутыми все социальные группировки либо как действующие лица, либо как жертвы собы-

тий. Кризис, начавшийся смертью царя Федора 7 января 1598 года, продолжался еще в течение долгого времени после избрания царем Михаила Романова в 1613 году. С самого начала события приняли форму всеобщего крушения государства, церкви, нравов и бытовых устоев, что сопровождалось ужасающей материальной разрухой. Всеобщность катастрофы поражала человеческие умы, ставила проблемы перед мыслителями и налагала на сознательных людей¹ определенные обязанности. Теперь трудно представить себе, в каком опустошении находилась в то время большая часть Руси.

В западной и центральной частях Руси, уже много перенесших в связи с политикой Ивана Грозного в последней трети XVI столетия, население катастрофически редело. Затем удар был нанесен Поморью, бывшему еще недавно в полном расцвете своих сил; там тоже после отрядов Лисовского и Сапеги крестьяне еще долго твердили, говоря о пустопорожных землях: «Пустошь, бывшее селение такое-то». Там, где прошли поляки и казаки, очень часто оставалось не более четверти прежнего количества обитаемых дворов и обработанных земель. У богатого Троице-Сергиева монастыря, владения которого простирались на 196 000 гектаров земли, охватывая 60 самых разнообразных областей² и который обладал более чем кто-нибудь другой средствами для поддержания этих владений, в 1614—1616 годах³ насчитывалось не более 1,8% пахотной земли вместо 37,3% пахотной земли, имевшейся в 1592—1594 гг. Фактически, от прежних пахотных земель почти ничего не осталось. И сколько было при этом разоренных деревень и убитых крестьянских семейств! Во время голода 1601—1603 гг. в Москве на трех кладбищах («скуделницах») было погребено 127 000 трупов крестьян, сбежавших из деревень, не считая умерших горожан, которых обычно хоронили вокруг четырехсот московских церквей⁴.

В истории городов и монастырей эти годы характеризуются ужасными разрушениями и убийствами. По словам одного летописца, в Угличе

¹ Самым последним печатным трудом по вопросу о Смутном времени является книга С. Ф. Платонова «Смутное время». См. также первые главы «Очерков по истории царствования Михаила Феодоровича» Е. Д. Сташевского. Но самыми характерными являются тексты этого времени, собранные Платоновым в XIII томе «Русской исторической библиотеки», или отдельные описания, как городов, так и монастырей.

² Кедров. С. 22 и прим. 1.

³ Сташевский. Очерки. С. 28—29.

⁴ «История» Авраамия Палицына (РИБ. XIII. Стб. 481). Даже если цифра 127 000, взятая из официальных данных, и была преувеличена, то, по крайней мере, она свидетельствовала о том впечатлении, которое эта катастрофа произвела на современников.

было сожжено 12 монастырей, 150 церквей, 12 000 домов и было убито, повешено и утоплено 40 000 человек⁵. В Спасо-Прилуцком монастыре⁶ 18 декабря 1612 года было убито 200 человек, из них 59 монахов, которых сожгли в самой трапезной; в феврале 1614 года татары, посланные на защиту остатков монастыря, опустошили его, а в 1619 году он сгорел дотла⁷.

В ночь на 24 сентября 1612 года на Вологду нападают «поляки, литовцы, черкесы⁸, казаки и русские отряды»: они убивают жителей города, оскверняют церкви, поджигают город и его окрестности. Теперь, как пишет архиепископ Сильвестр, Вологда представляет собой не что иное, как дымящиеся угли. Все это произошло из-за небрежности местного правителя Одоевского. Слишком поздно приезжает на место воевода Образцов со своей ратью; никто не повинуется, стоит сплошной грабеж. Вообще, все происходит из-за пьянства: пьянство воевод погубило Вологду⁹.

Разруха и избиения приняли еще более ужасающий характер из-за сопутствующих им обстоятельств: «русские разбойники» присоединялись к внешним врагам для нападения на своих же русских собратьев; поголовно везде наблюдалось аморальное поведение даже тех, которым надлежало служить примером; наблюдалось неслыханное распространение всех пороков: вероломства, лицемерия, продажности, подлости, невоздержанности, сластолюбия, себялюбия, всеобщей ненависти и скупости. Чувствовалось какое-то непостижимое сцепление преступлений и бедствий. Шли дикие казни по примеру совершавшихся Иваном Грозным или вроде умерщвления его юного сына Димитрия по приказу Годунова, и вместе с тем по всей Руси о невинно пролитой крови царило жуткое молчание; господствовал отвратительный, гнусный террор, при котором отец боялся разговаривать с сыном, а брат с братом; распространялось пристрастие к иностранным обычаям, склонность к роскоши и пиршествам даже у купцов и крестьян; вскоре наступил голод; везде распространено было лихоимство сильных мира сего, жадность торговцев, особенно зерном и порохом, лекарей; сами русские были чужды друг другу; шла гражданская война и совершались вторжения иностранцев; повсеместно распространялось презрение к церковным заповедям; святыня же осквернялась еретиками.

⁵ Эдинг. С. 162, см. прим.

⁶ Монастырь, расположенный на расстоянии 5 км от Вологды, по дороге к Архангельску.

⁷ Савваитов, Суворов. Описание. С. 1—51.

⁸ Так называли запорожских казаков, по названию их города Черкассы.

⁹ Письмо Сильвестра, архиепископа Вологодского, боярам (от 29 сентября 1612 г.) // Русская старина. 1882. XII. С. 677—678. В церковной ведомости числятся убитыми и сожженными три протоиерея, тридцать два священника, шесть дьяконов и шесть монахов, среди них святой Галактион (*Коноплев*. С. 108, прим. 45).

Неслыханная вещь: сама вера в Святой Руси, с гордостью провозгласившей себя преемницей Рима и Византии, была подорвана. Был такой момент, когда налицо было четыре патриарха: Иов, свергнутый Лжедмитрием; Игнатий, изгнанный после падения узурпатора; Филарет, вначале принятый царем Василием; наконец, Гермоген, законным образом принявший власть!¹⁰

Церковь оказалась во власти политических интриг. Храмы служили конюшнями для лошадей; перед алтарями кормили собак; блудницы пользовались священными сосудами для обмываний; иконы осквернялись; монахинь заставляли есть мясо во время поста; священники подвергались оскорблениям и пыткам, а верующие, изгнанные в необитаемые места, умирали без исповеди.

Царь, и особенно царица, которая предалась латинской ереси¹¹, угрожали самому православию. А потом поляки заняли Москву и самый Кремль. В часы своего досуга священник Иван Савельевич Наседка, бывший свидетелем этих печальных картин и впоследствии возвратившийся в Троице-Сергиев монастырь для служения в монастырской церкви, предоставленной в распоряжение жителей взамен разрушенных приходских церквей, размышлял так: «Некогда латиняне отошли от православия, а затем все страны Запада впали в лютерскую ересь. Православие умерло и у нас на Руси, покоренной еретиками». И он в отчаянии плакал¹².

Авраамий Палицын, келарь Троице-Сергиевого монастыря, писал в 1615 году: «Не было никогда еще таких бедствий и никогда не будет»¹³.

II

Русский народ во всех своих бедствиях всегда чувствовал карающую десницу Божию. И во время всех этих страданий народ, осознавая с ясностью свою вину, чувствовал, как его ныне карает Господь. Раз вся страна переживала такое испытание, значит она заслужила это за бесчисленные грехи некоторых людей, за грехи мирские, грехи всего общества. Не было невиновных, у каждого было в чем раскаиваться, было в чем исправляться. Это убеждение находило свое подтверждение у восторженной души народа в видениях и небесных предостережениях.

В ночь на 12 октября 1606 года один московский мещанин видел следующее. В Московском Успенском соборе Матерь Божия обратилась

¹⁰ Платонов. Очерки. С. 306—307.

¹¹ Описание этих событий взято из «Истории» Авраамия Палицына (РИБ. XIII. Стб. 475—519).

¹² Книга о чудесах преподобного Сергия. С. 23—24.

¹³ РИБ. XIII. Стб. 500. По вопросу о положении церкви на Руси во время Смутного времени существует работа Ф. Иванова, с которой автор не знаком.

к своему Сыну со следующими словами: «Сжался над русским народом, ибо многие из них жаждут покаяться». А Сын ее отвечает: «Нет, слышом много печалят они меня своими развращенными нравами: осквернили они церковь Мою праздными разговорами, они ругаются, обрезают друг другу бороды, впадают в содомский грех, нарушают законы, воруют». Пресвятая Дева вместе со св. Иоанном Крестителем и со всеми святыми продолжают умолять Христа. Но Христос не соглашается выполнить их просьбу. «Нет больше правды ни у царя, ни у патриарха, нет ее и в церковных порядках и нет ее совсем у моего народа». Наконец, Христос уступает настоятельным просьбам: «Я пощажу их, если только они покаются». Об этом видении московский мещанин доложил протопопу Терентию, вслед за чем была объявлена неделя поста и молитв¹⁴.

Это видение было настолько нелепно для гражданских и церковных властей, что их нельзя заподозрить в том, что они его выдумали. Оно выражает переживания народа в целом: жажду справедливости и милости в таком океане зла.

Мы видим, как в эти годы появляются праведники, отшельники и затворники, вокруг которых собираются толпы взволнованных людей, жаждавших наставления.

В большом Борисоглебском монастыре близ Ростова Иринарх, сын простого крестьянина из пригорода, надевает на себя все новые вериги по мере того, как бедствия все больше и дольше довлеют над Русью, но в 1608 году он покидает свою келью и идет «говорить правду» царю Василию. Своими добродетелями он внушает уважение Сапеге и полякам, которые не осмеливаются трогать его монастырь. Он благословляет на подвиг спасителей страны Скопина-Шуйского, Минина и Пожарского, а впоследствии — Лыкова. Он таинственно появляется на горизонте истории в горестное для страны время и исчезает вместе с ним в 1616 году¹⁵. Рядом с ним мы видим появление целого сонма праведников. Тут — в Ростове — Тихон, Александр, Пимен и Корнилий, в Переяславле — Дионисий, на Клязьме возникает по почину неизвестного праведника скит святого Георгия, в Вологде — появляется Галактион. Последний, будучи сыном боярина Бельского, казненного по приказу Ивана Грозного, скитался в течение долгого времени, занимаясь сапожничеством, потом пришел в Вологду проповедовать обновление нравов; он

¹⁴ РИБ. XIII. Стб. 177—184. Аналогичные видения были: в 1607 году в Москве, в последующие годы — в Нижнем Новгороде, во Владимире (Там же. Стб. 184—186, 235—248). Кроме того, см.: *Успенский Д.* Видения Смутного времени; *Фаминский*. Основные переживания.

¹⁵ История его жизни была опубликована в 1909 году во 2-м издании XIII тома «Русской исторической библиотеки» (также и отдельно). Краткое изложение см. в книге Забелина «Минин», с. 250—259.

был убит поляками во время резни 1613 года, которая и была им предсказана. В критические времена Русь, подобно Израилю, имела своих пророков. Все они вели один и тот же образ жизни, скитаясь в веригах, нередко они привязывали себя к стене своей кельи, не прикасались ни к мясу, ни к рыбе, ни к маслу, но они принимали множество людей, приходивших к ним с душой, полной скорби¹⁶. В те времена многие создают для себя монастыри и скиты: с 1598 по 1618 год в «Истории российской иерархии» таковых зарегистрировано 48, за двадцать лет их создано столько же, сколько за предыдущие сорок шесть лет¹⁷. Таким образом, в глубине народной души повсеместно проявлялось стремление к моральному и религиозному обновлению, которое было вызвано страхами и ужасами Смутного времени.

Другим чувством, которому суждено было укорениться в эти годы, было чувство ненависти и сознание непреодолимой пропасти между православными и латинянами. Прежняя ненависть, унаследованная еще от греков, вспыхнувшая снова позже в результате неудачной попытки соединения церковью митрополита Исидора после Флорентийского собора, сначала не выходила из официальных кругов, но уже Брестская уния в 1596 году усугубила положение вещей: западная и южная Русь, подчиненная Польше, в основном перешла под власть папы, с постепенным латинизируемой литургией и с постепенно уменьшающимся количеством православных иерархов; в то же время низшее духовенство терпело там массу притеснений; православные пытались мстить за это сотрудничеством у протестантов их нового антикатолического арсенала: Рим был объявлен Вавилоном Священного Писания, а папа был назван антихристом¹⁸. Все это узнавалось через выходцев с Запада и из книг; и слухи о тех опасностях, которым подвергалась вера за границей, распространялись широко. В 1601 году Мартин, иезуит, сопровождавший Сапегу в Москву, с горестью констатирует: «Русские питают неумолимую ненависть к католикам, они полны предубеждений против папы, упорно придерживаются их и не желают дать себя переубедить»¹⁹. Но теперь уже все население городов и деревень было в ужасном негодовании: даже в Москве была пролита христианская кровь; эти латиняне, поляки и литовцы, — были настоящие «язычники»! Иначе их и не называли. Их соучастника беглого монаха-расстригу Отрепьева принимали за посланца

¹⁶ Мировский. С. 5—17.

¹⁷ Амеросий. История российской иерархии. VI. С. 1122—1129.

¹⁸ Так пишет и Зизаний в своем комментарии к 15-му огласительному починению святого Кирилла Иерусалимского об антихристе, изданному в Вильно в 1595 году. Этот комментарий был перепечатан в Москве в «Кирилловой книге». См. выдержки, цитированные А. Лиловым (Лилов. С. 142—161).

¹⁹ Pierling Paul S. J. La Russie et le Saint-Siege. Paris, 1897. II. P. 372—373.

антихриста. Булочник Федор, когда его вели на казнь, бросил этот самый упрек толпе: «Се прияли есте образ антихристов и поклонистесь посланному от сатаны»²⁰.

Слово «латинянин», более чем когда бы то ни было, стало синонимом национального и религиозного врага²¹.

Между тем, эти литовцы или белорусы, или эти запорожские казаки, которые называли себя православными и которые, вместе с поляками, грабили монастыри и оскверняли церкви, также не могли быть истинными христианами. Это ведь именно они впоследствии, как они сами признались, с 1612 по 1614 год разграбили все Поморье вплоть до Архангельска и Олонца: «Опустошители нашей истинной православной веры, — они надругались над Крестом Христовым»²².

В 1618 году 20 000 казаков сопровождали Владислава, сына польского короля, в его поездке в Москву. Все эти люди были довольно равнодушны к религии, во всяком случае очень далеки от характерного для Москвы глубокого благочестия. Их нравы вызывали негодование. Поэтому очень легко было заподозрить их в латинизме. Все то, что шло с Юга и Запада, надолго останется у русского народа под подозрением²³.

Но лжепатриарх Игнатий, ставленник Лжедмитрия и его приспешников, которого считали переодетым униатом, был грек. Какое своевременное напоминание о падении греков, соблазненных Римом²⁴, наказанных гибелью Константинополя и с тех пор обесчещенных, продажных, оскверненных своей зависимостью от нехристей! Существовавшее уже около столетия мнение о них ныне подтверждалось печальной действительностью.

Таким образом, русские могли рассчитывать только на самих себя: только в Москве существовала незапятнанная, чистая вера. В других местах везде, даже у их братьев по крови и вероисповеданию, православие было загрязнено ересью. Москва, со своим патриаршим престолом, воздвигнутым в 1589 году и уже освященным двумя мучениками, Иовом и Гермогеном, была третьим и последним Римом, «превосходя по благочестию все древние империи» а царь ее был «единственным во всем мире» христианским властителем²⁵. И, однако, именно эта Москва чуть было не погибла и была так сурово наказана Провидением!

²⁰ РИБ. XIII. Стб. 493.

²¹ *Šmurlo E.* Le Saint-Siege et l'Orient Russe. Prague, 1928. P. 3.

²² Так о них отзывался Сильвестр, архиепископ Вологодский (*Харлампович*. Малороссийское влияние. С. 18—19).

²³ Там же. С. 17—19.

²⁴ Согласно представлению русских о Флорентийской унии (1439).

²⁵ Слова эти заимствованы из указа об учреждении патриаршества, составленного собором русских и греческих иерархов; см.: *Кантевев*. Характер отношений России к православному Востоку. С. 49.

Таковы были переживания, волновавшие русский народ в конце эпохи Смутного времени и начале царствования Михаила Федоровича. Естественно, что после пронесшейся бури льстившая самолюбию русских идея о превосходстве московского благочестия должна была одержать верх над стремлением к покаянию и реформе. Народ видел необходимость возрождения, но по причине человеческой слабости он не имел воли заставить себя пойти по этому пути. Но толчок был дан. Несколько избранных взяли на себя выполнение священного долга, однако даже и у них оказались свои собственные своеобразные внутренние настроения. Они пошли в значительной степени своим путем, не считаясь с толпой; противостояли народным обычаям и нравам, либо приписывали народу слишком возвышенные идеалы. Это и явилось причиной разногласий между массой верующих и лучшей частью духовенства, а затем должен был неизбежно наступить разлад и в среде самих сторонников реформы.

Первый период (1616—1633): Филарет и Дионисий

I

Троице-Сергиев монастырь, расположенный в 60 верстах севернее столицы, проявил себя в самые тяжелые минуты как оплот православия и борьбы за национальную независимость против захватчиков, а впоследствии и как вдохновитель отрядов, несших народу освобождение. Как только миновала опасность, он оказался, под руководством своего архимандрита Дионисия, главным оплотом церковной реформы.

Дионисий из деревни Зобнино является одним из самых симпатичных деятелей своей эпохи¹. Он родился во Ржеве, в Верхнем Поволжье, в крестьянской семье; его отец был избран старшиной Ямской слободы в Старице. Его воспитали старицкие монахи, он был в течение шести лет священником в посаде этого города и являлся одним из первых сельских священников, которые были призваны сыграть большую роль в XVII веке. После смерти жены и двух сыновей он поступает в монастырь. Благодаря своим способностям и добродетелям, он вскоре был поставлен в архимандриты и проявил в этой должности определенную смелость, оказав, несмотря на приказ царя Димитрия, горячий прием впадшему в немилость патриарху Иову. История предназначала ему политическую роль, к которой

¹ Мы довольно хорошо знакомы с Дионисием, особенно по его Житию, написанному Симоном Азарьиным (рукопись № 416 из Синодальной библиотеки, находящаяся в настоящее время в московском Историческом музее [ГИМ. Синодальное собр. № 416]; имеются издания с купюрами 1808, 1816, 1817, 1824, 1834, 1854 годов). Есть также хорошая монография Д. Скворцова (*Скворцов. Дионисий Зобниновский*).

он отнюдь не был предназначен в силу скромности и мягкости своего характера: новый патриарх Гермоген оставляет его в Москве в качестве своего помощника. Он не отказывается от этого поста, успокаивает брожение в массах, подает советы царю, но всегда с трудом покидает свою келью и службу в соборе. Наконец, в 1610 году ему вверяют обитель преподобного Сергия. Тут он восстанавливает развалины после 16-месячной осады, оказывает приют беглецам, кормит голодных и, что самое главное, пишет послания в разные крупные города, призывая жителей к защите веры и родины. Это апогей его гражданской деятельности.

Но у него были и другие стремления. Как только обстоятельства позволили, он принялся за дело, огромное значение которого он, несомненно, предвидел: обновление Церкви. Обрушиться непосредственно на весь верующий народ было нереальным. Для того, чтобы воздействовать даже на монахов, которые в разгар самой осады предавались пьянству и разврату, на бояр, всегда готовых к грызне между собой, притом невежественных и грубых, для всего этого нужна была другая рука, чем та, которая была у него. Мягкому и снисходительному пастырю легче было исправлять книги, чем людей.

Еще раньше Дионисий нашел в богатой библиотеке Свято-Троицкого монастыря рукописи Максима Грека, ученого монаха с Афона, которого пригласили для перевода Толковой Псалтыри, испорченной еретиками-жидовствующими, и которому поручили потом пересмотреть Триодь, Толковое Евангелие, Пролог, Праздничную Минею и Апостол. Вскоре его обвинили в дискредитации русских святых, празднования которым отмечались согласно древним книгам, и осудили его как еретика; его заключили в тюрьму и, в конце концов, он умер в Троицком монастыре 21 января 1556 года². Дионисий считал себя его учеником². Его писания были запрещены, однако он все же показывал их монахам. Он решил продолжать дело Максима Грека.

Самой необходимой книгой для богослужения, которой пользовались почти ежедневно, была книга, содержащая чин трех литургий с главными молитвами, чин крещения, погребения и различных чинопоследований, именуемая то Служебником, то Требником. Она существовала в рукописном виде, конечно, в очень большом количестве экземпляров, относившихся к различным эпохам; рукописи эти сильно отличались одна от другой и содержанием — одни состояли из 89 глав, другие из 141 главы и даже из 159 глав — и формулировками молитвословий различных обрядов. В 1602 году эта книга была впервые напечатана. Тогда удовлетвори-

² О Максиме Греке см. хорошую монографию у В. С. Иконникова «Максим Грек и его время», много расширенную во 2-м издании (Киев, 1915), с именованием указателем.

лись перепечаткой одного полноценного экземпляра XVI века, не интересуясь сопоставлением одной рукописи с другой.

Осенью 1615 года встал вопрос о переиздании Служебника-Требника. Авраамий Палицын, келарь Троицкого монастыря, находился в это время в столице по денежным делам монастыря; он добился того, чтобы переиздание этой книги было связано и с некоторым упорядочением существовавшего в ней хаоса, с тем, чтобы церковь получила действительно тщательно проверенную книгу. Он пользовался достаточным авторитетом и ему удалось также добиться того, чтобы выполнение этой задачи было доверено его монастырю; по его просьбе Дионисий поспешил направить в Москву самых просвещенных мужей из своего ближайшего окружения: монаха Арсения Глухого и священника Ивана Наседку. Более того, он вынес решение, чтобы вся работа по пересмотру книги производилась в Троицком монастыре особой комиссией под руководством архимандрита Дионисия; об этом гласил специальный указ царя от 8 ноября 1616 года³. Из того, что нам известно, видно, что во всем этом деле Палицын и Наседка выступали по прямому поручению Дионисия.

Справщики сравнивали издание 1602 года с более чем 20 славянскими рукописями, иногда 150- и 200-летней давности, среди которых был один верный экземпляр известного Служебника, переведенного с греческого в 1397 году митрополитом Киприаном. Так как царь требовал от них быстроты выполнения поручения, то они трудились «без преувеличения восемнадцать месяцев днем и ночью»⁴. В своей работе они проявили большое усердие и проверили, кроме Служебника-Требника, много и других богослужебных книг. Наконец, к весне 1618 года они представили свои поправки. В них были некоторые сокращения и изменения.

В молитве освящения воды накануне Богоявления в издании 1602 года было написано: «Сам и ныне, Владыко, освятив воду сию Духом Твоим Святым и огнем»*. Слов «и огнем» не было в наиболее древних рукописях; они появились только в XVI веке, сначала они были введены скромно, вставленными на полях или над строкой и только позже появились в самом тексте; их, якобы, не было в греческих книгах. Отрицание этих слов исходило, конечно, от греческого епископа из Елассона, Арсения, нашедшего убежище в России и получившего затем суздальский епископский престол. Эта вставка в тексте была залита чернилами.

Были также упразднены две молитвы, которыми священник перед служением отпускал себе свои собственные грехи: они были неподобающим образом заимствованы из обрядов исповеди (то были слова, обращенные

³ ААЭ. III. С. 482—483.

⁴ Слова Арсения Глухого, приведенные Д. И. Скворцовым (*Скворцов. Дионисий Зобниновский*. С. 215).

* Служебник. М., 1602. Л. 236 об. — *Прим. ред.*

исповедником к своему духовнику, причем они были из второго лица переведены в первое); до конца XVI века они в указанном месте не встречались.

Много изменений было внесено в формулировки молитв. Справщики заметили, что некоторые молитвы, обращенные к одному лицу Святой Троицы, заканчивались словами, относящимися ко всем трем лицам: «И Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу». Нельзя ли было подразумевать под этим, что Отец, Сын и Святой Дух представляют собою одно лицо? Это была савеллианская ересь, смешивавшая лица Святой Троицы. Ведь писали же в конце молитв, обращенных к Сыну: «Тебе бо подобает всяка слава, честь и поклоняние со Безначальным Ти Отцем и со Пресвятым Благим и Животворящим Ти Духом»*. В других местах, согласно другим формулировкам, можно было бы подумать, что Святая Дева была матерью Бога Отца, либо что воплотился Бог Отец. Все это было исправлено и в Служебнике-Требнике, и в других книгах, в Псалтыри и особенно в Уставе, который был доставлен головщиком хора Троицкого монастыря Логгином.

Справщики всюду находили бесчисленное количество ошибок в знаках препинания и в окончаниях слов. Эти ошибки, как будто простибельные с внешней стороны, в сущности угрожали самому православию: они внушали то манихейское учение, разделяющее Сына Божия от Сына Пресвятой Девы Марии, то ересь Ария с ее тремя сущностями в Святой Троице, то, в других местах, они смешивали две природы во Христе или вводили ересь Пирра, Сергия и Павла, преданную анафеме шестым Вселенским собором при Константине Брадатом, иными словами, они намекали на монофелитство.

Во всей этой критике чувствовался подлинный грамматист и логик, каким был Арсений Глухой: он изучил у св. Иоанна Дамаскина разделение на восемь частей речи, сам составил краткую грамматику, составил элементарное пособие для разговора и письма и немало этим гордился. Чувствовался в этой работе и такой тонкий богослов, каким был Наседка, и такой знаток богослужения и любитель прекрасных и благолепных обрядов, каким был архимандрит Дионисий, у них у всех были свои духовные запросы, которые не вполне совпадали с наивной религиозностью того времени — как верующих, так даже и большей части духовенства.

На соборе, собравшемся 4 июля 1618 года, по требованию Дионисия, для обсуждения предлагаемых исправлений, произошла дискуссия, которая приняла необыкновенно ожесточенный характер. Самые сильные нападки исходили от монашеской братии самого Троицкого монастыря, от епископа Филарета, иеромонаха Филиппа, пономаря Маркела, от того самого справщика Логгина, которого до этого подвергли критике

* Служебник. М., 1602. Л. 234 об. — *Прим. ред.*

за правленный им Устав, а также от Дорофея, канонарха Новоспасского монастыря, и от Авраамия, архимандрита Чудова монастыря.

Не приходится говорить о зависти духовенства Москвы по отношению к Троицкому монастырю, потому что главные обвинители были именно из этого монастыря; нельзя также говорить о простых личных ссорах духовенства внутри Троицкого монастыря, так как эти споры и диспуты не могли определить характер собора в целом, на котором присутствовали даже «миряне, сведущие в божественных Писаниях»; нельзя говорить тут и о простом невежестве, потому что по крайней мере Филарет, Логгин, Дорофей, Авраамий в силу самого характера своего служения были хорошо знакомы с церковными книгами. В общем, можно сказать, что это собрание отразило некоторую среднюю линию в русской церкви: оно сочло слишком смелым и дерзновенным трогать, ради требований логики или словесности, тексты, освященные одновременно и обычаем, и самым фактом того, что книги были напечатаны. Одна напечатанная книга пользовалась большим авторитетом, чем большое число рукописей с различными разночтениями.

Спор коснулся особенно слов «и огнем», которые были связаны с видимым и выразительным действием: во время освящения воды служащий священник опускал в сосуд горящие свечи. Этому обряду приписывали символическое значение; его связывали с текстом Священного Писания — Лк. 3: 16: «Он будет крестить вас Духом Святым и огнем». Исключить эту формулу означало исключить также и почитаемый обычай. Исключить же ее хотели потому, что эта формула не встречалась в древних греческих книгах! В 1618 году имел место конфликт между требованиями разума и традицией, между точкой зрения, с одной стороны, передовых людей того времени, которые стремились вернуть церковь к одному определенному истоку, который считался чистым, а именно к Греции, и, с другой стороны, между общим чувством верующих, которые считали, что русская церковь, наоборот, имела право развиваться, обогащаться и изменять свои книги применительно к условиям своей жизни. Это последнее было чувством большинства, и оно победило: Дионисий и его соратники были осуждены, по-видимому, единогласно; и царь утвердил приговор⁵. Особенно жестоко поступили с архимандритом. Он был приговорен к покаянию, заключававшемуся в тысяче поклонов в день, его мучили голодом, жаждой, окуривали, подставляли его и его учеников под удары и оскорбления озверелой толпы. По-видимому, булочники и пирожники особенно обозлились на новых еретиков, которые говорили «долгой огонь». Даже в отношении Дионисия, известного и почитаемого человека, народ стал на сторону Собора и древней практики.

⁵ Решение Собора 1618 года было напечатано И. Сахаровым в «Северной пчеле». 1842. № 198. С. 791—792.

Помог ревнителям чистоты Иерусалимский патриарх Феофан. Приехав в Москву в апреле 1619 года по делам своей церкви он заинтересовался своими братьями учеными-богословами и добился смягчения их участи и пересмотра их дела.

Вопрос об огне продолжал, однако, и далее волновать образованных людей Москвы. Подъячий Антоний Подольский, который хвастался тем, что лучше всех на Руси знал грамматику и диалектику, уже к тому времени составил длинный трактат «О просветительном огне», в котором он упрекал справщиков за то, что они отрицали «благодать Святого Духа, снизошедшую на апостолов в огненных языках»⁶. Наседка ответил ему трактатом из тридцати пяти глав, обвиняя его в ряде последовательных тезисов в том, что он изобрел новое крещение огнем, что он «оплевал древние греческие и русские рукописи» с тем, чтобы верить лишь печатной книге, что он возвел огонь в четвертое лицо Троицы, что он выдумал «просветительный огонь», о котором никто никогда не слышал, что он из гордости захотел изведать неисповедимые тайны, что он приписал материальному началу свойство освящать воды и тому подобные ереси. Арсений Глухой написал в порядке самозащиты послание протоиерею Ивану Лукьяновичу и речь к Салтыкову: он сваливал всю ответственность за это на своих собратий — архимандрита и «вероломную лисицу» Наседку. Дионисий со своей стороны составил весьма достойную речь, сугубо оправдательную, с приведением текстов из Священного Писания и святых отцов, на которые ссылались его противники; речь его заканчивалась следующими положениями: мы должны опасаться 1) отделения от святых отцов; 2) сближения в чем бы то ни было с латинянами; 3) утверждать что-либо о прикасаемости и познаваемости Святого Духа.

Вот в чем в таком случае состояла ересь латинян: если вода освящается Святым Духом как таковым, а равно и Святым Духом Огнем, то, значит, имеется два Святых Духа, из которых первый исходит от Отца, а Второй от Сына.

Когда в конце июня отец царя, Филарет, митрополит Ростовский, находившийся до тех пор в плену у поляков, прибыл, чтобы занять пост патриарха, который для него берегли в течение семи лет, дело справщиков приняло уже неотложный характер. 2 июля был созван новый собор. В течение более чем восьми часов задавали вопросы одному только Дионисию. Он был, также как и его сподвижники, полностью оправдан и торжественно восстановлен в должности архимандрита. Однако Филарет не спешил принять исправления: в новом издании Требника, изданно-

⁶ А. А. Покровский опубликовал об Антонии Подольском некоторые данные, которые исправляют или уточняют то, что ранее считалось известным о нем (Покровский А. А. К биографии Антония Подольского // ЧОИДР. 1912. II. Смесь. С. 33—38).

го в 1623 году, слова «и огнем» были сохранены с упоминанием на полях «впредь до решения собора». И только после того, как патриархи Александрийский и Иерусалимский прислали свое письменное свидетельство о том, что этих слов ни в одной греческой книге не было, со своим мнением по данному вопросу, а также прислали удостоверенный ими текст молитв на освящение воды, 9 декабря 1625 года Филарет предписал изъять повсеместно Служебники, дабы ликвидировать в них осужденное место. Но он ничего не изменил в обряде погружения свечей. Что касается священнической молитвы об отпущении самому себе грехов перед началом службы, то она сохранилась во всех Служебниках вплоть до 1652 года⁷. Таким образом отдали должное людям, у которых были правильные намерения и которые незаслуженно претерпели страдания, но патриарх Филарет вместе с тем понял, что самым главным в то время было нечто другое, а не исправление книг.

II

Филарет не был ученым; он был боярином, которого сделали церковным деятелем помимо его воли. Он был не очень заинтересован в перестановке запятых или в выявлении той или другой ереси, что многие вычитывали в плохо составленных фразах; перед ним стояло иное, были вместе со всей массой верующих две общие задачи: защитить православие от внешних нападков и восстановить порядок в церкви.

Выстрадав в Польше восемь долгих лет, Филарет вынес из плена острую ненависть к католицизму и глубокое недоверие ко всему тому, что могло бы перенестись в Москву из области латинства. Благодаря ему чувство озлобления, порожденное или оживленное эпохой Смутного времени, перерождается уже в определенные действия, которые потом становится трудно ввести в определенные берега без острого столкновения с общественным мнением.

Раньше для католиков, желающих принять православие, существовало правило: они должны были быть миропомазаны. В начале XVII века, из-за ненависти жителей России ко всему польскому, они вынуждены были, подобно язычникам и мусульманам и вопреки всем церковным ка-

⁷ В своей монографии о Дионисии Зобниновском (с. 175—339) Д. Скворцов исчерпывающим образом анализирует вопрос об исправлении богослужебных книг в 1616—1619 годах. За неимением этой работы, можно пользоваться другими: *Казанский П.* Исправление церковно-богослужебных книг при патриархе Филарете // ЧОИДР. 1848. № 8. С. 1—26; Исправление богослужебных книг при патриархе Филарете // Православный собеседник. 1862. № 2, 3; *Соловьев.* История России. Т. IX. Гл. V; *Николаевский.* Московский Печатный двор // Христианское чтение. 1890. II. С. 434—457.

Чтобы уничтожить всякое подозрение относительно влияния латинян, было упразднено положение Требников 1602 и 1616 годов, согласно которому разрешалось, в случае болезни, погружать ребенка в купель до шеи и затем правой рукой обливать его голову водой три раза. Те, которые получили такое ложное крещение, должны были снова быть крещены полным погружением в купель¹².

Но безбожие Запада угрожало православию и со многих других сторон. Страны, граничившие с Московским государством, переходя от XVI к XVII веку, являлись поистине центром всех ересей: к лютеранству добавился кальвинизм, затем появились «моравские братья», потом «польские братья», и на этой истерзанной почве зародились учения, уводящие от должного поклонения святине, и даже учения, доходящие до чистого деизма. Одни отвергали иконы и посты, другие Святое Причастие, трети Божественность Христа, первородный грех и крещение. Социн и его ученики презирали Ветхий Завет и считали Христа лишь человеком необыкновенной мудрости, правда, достойным определенного поклонения. Будный, не отвергая полностью откровения, отвергал Новый Завет. Иоанн Зоммер доходил до отрицания бессмертия души¹³. Все были охвачены прозелитизмом и обращали свои взоры на Восток. Еще в 1562 году в Несвиже Симон Будный опубликовал свой Катехизис «для простых людей языка русского». Далее возникает уже целая типография, созданная в 1625 году в Стокгольме Густавом-Адольфом, который издает на русском языке краткий лютеран-

кабря 1620 года не были внесены в первое издание Требника 1623 года, а только в издание 1639 года.

¹² Макарий. История русской церкви. XI. С. 46. Согласно самым древним русским установлениям, крещение, как правило, должно было осуществляться кроплением; однако многие митрополиты, а также Стоглавый собор осудили это. См. соответствующие тексты у А. А. Дмитриевского (*Дмитриевский*. Богослужение. С. 289—293). Интересно, что в эту же самую эпоху на Западе многие задавали себе вопрос — христиане ли москвитяне и не нужно ли крестить их заново? 31 марта 1620 г. лютеранин Иоганн Ботвид, доктор теологии и проповедник короля Швеции, защитил в Упсале пятьдесят тезисов на тему: «Являются ли москвиты христианами или нет?». Проанализировав должным образом генезис христианства на Руси, богослужebные книги, исповедания веры, церковное управление и богослужение русских времен патриарха Иова (1525—1607), он ответил на вопрос утвердительно. Эти тезисы были напечатаны в 1705 году в Лейпциге. См. каталог Парижской национальной библиотеки, рубрика в картотеке «Ботвид». В течение всего XVIII века на эти тезисы часто ссылались. Католический мир, благодаря Поссевину, был лучше информирован (*Possevin*. *Missio Moscovitica*. Roma, 1584; *Moscovia*. Cologne, 1587); он никогда не сомневался в христианстве русских.

¹³ По вопросу о пропаганде протестантства и социнианства в Польше и Литве через печать и школу см.: *Martel A.* *La Langue polonaise dans les pays ruthènes*. Paris, 1938. P. 203—218.